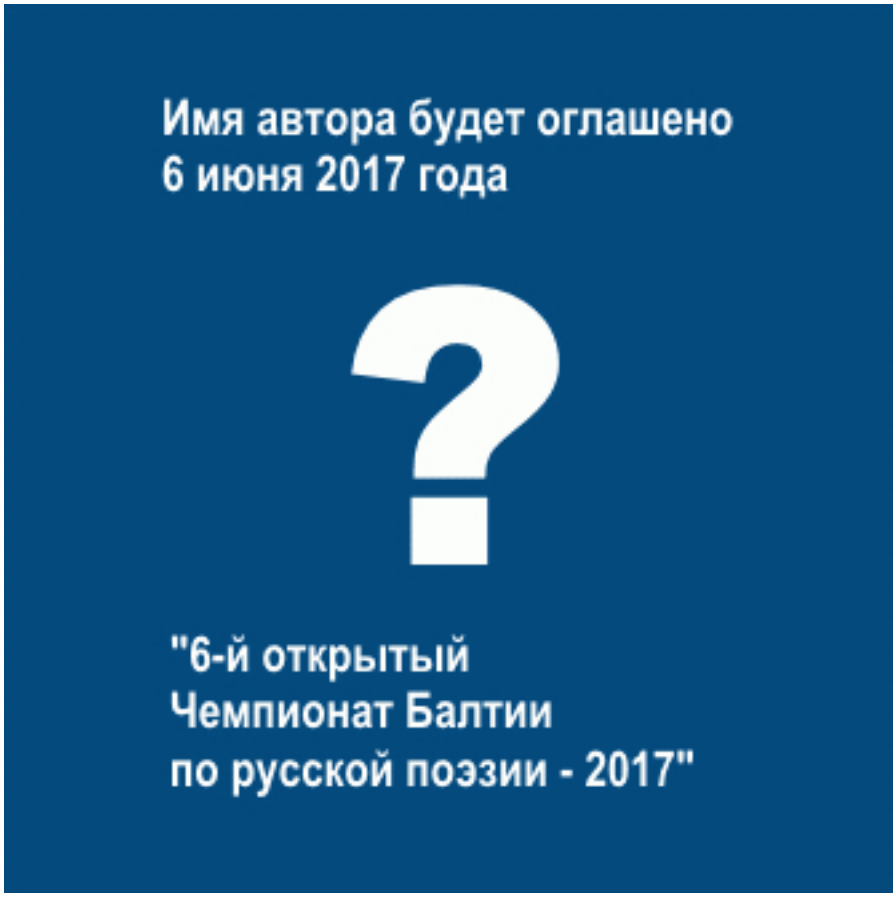
Автор: Оргкомитет
18.04.2017 17:00



Имя автора будет оглашено в Итоговом протоколе конкурса.

Смерть в Марьиной Пойме

До Марьиной Поймы лет десять, как ходит поезд.
Давно не посёлок, ни разу не мегаполис,
Она принимает состав - отдаёт состав.
Обеденный выхлоп, обыденная работа.
Советская власть - в стенгазетах и анекдотах,
И мало кто знает, что ей не дожить до ста.

У Марьиной Поймы душа в полторы сажени.
И в центре её обретается баба Женя,
В которой по капле стекаются все пути.
И дело не только в её самогонном даре
Да в хитрой воде из промышленной речки Марьи,
А в том, что умеет любого в себе найти.

Старухина память - крапивного супа горечь.
Так нёбо терзало, что прежде ласкало голень,

Железная жатва по сёлам брела с мешком.
Деревня впадала в посёлок, посёлок в город.
Она ещё помнит, как жизни впадали в голод,
И люди ломались с коротким сухим смешком.

А нынче и слёзы - закваскою в мутной таре,
Когда и убийство - не вымыли, так взболтали.
Убитый - мужчина, поэт, тридцати пяти,
Пропитого роста, прокуренного сложения.
Никто б и не рыпнулся, если б не баба Женя,
Которая может любого в себе найти.

Невеста рвала своё платье, как зуб молочный,
Не слишком красива, но года на два моложе.
И что бы не жить до хотя б тридцати семи.
Поэт-распоэт, а не вякнешь, когда задушен.
Друзья говорили, что парень давно недужил
И, видно, не сдюжил грозящей ему семьи.

Убийцу искали, как праведника в Содоме.
На каждой странице маячил герой-садовник.
Летели наводки из каждого утюга.
На вялых поминках случился дешёвый вестерн:
Иваныч с двустволкой пошёл отпевать невесту -
Хрена ль новостройки, когда между глаз тайга.

Девичник был скромен: она, баба Женя, черти.
Сидели, ныряли в на четверть пустую четверть.
Слова поднимались на сахаре и дрожжах:
"Пойми, баба Женя, охота - всегда загонна.
Потом догоняешь, хватаешь его за горло
И вдруг понимаешь: иначе - не удержать."

Она отсидела. И вышла. И вышла замуж.
Его напечатали, крупным, не самым-самым.
К нему на погост ежемесячно, как в собес,
Духовнее нищего, плачущего блаженней,
Ходила его не читавшая баба Женя,
Которая может любого найти в себе.

Негромкие строки рождались, росли, старели.
Темнел змеевик, и по медной спирали время
Текло, проверяя на крепость сварные швы.
Я был там проездом. Где Волга впадает в Темзу.
Из Марьиной Поймы никто не уехал тем же -
Всё лучше, чем если б никто не ушёл живым.

Автор: Оргкомитет
18.04.2017 17:00

Слово Икара

Каждый ушедший в море - потенциальный труп.
Солнечный луч, как поясной ремень.
Слово Дедала - трут.
Слово Икара - кремень.
Ему наплевать на запах пера жжёного.
Его первый сборник называется: "Потому".
Он обещал коснуться этого, жёлтого,
Иначе девушки не поймут.

Голос льняной, волос ржаной,
Крылья, как люди, шепчутся за спиной.

Дедал орёт на сиплом, кроет гребцов на утлом
Кораблике, где даже крысы спились.
Икар вылетает на встречу с богами утром,
Кинув на мейлинг-лист:
"Шеф, всё пропало, я очень и очень болен.
Словно дедлайны, трубы мои горят."
Мимо него как раз пролетает боинг -
Сорок моноклей в ряд.

Каждый монокль, словно манок,
Взгляд человеческий - бритва, сам человек - станок.

Левые крылья мигают зрачками алыми,
На правых огни - зеленее кошачьей зелени.
У капитана лучшее в мире алиби -
Он в это время падал над Средиземным.
Вираж Икара - вымерен по лекалам,
Завершён элегантным уходом в гибель,
А самолёт, сбитый рукой Икаровой,
Всего лишь не долетел в Египет.

Лампы под потолком, родственники битком -
Ждут чёрного ящика с радиомаяком,
С матерным, неизысканным языком.

* * *

Из розочек бутылочных - венцы,
И образа, как печи, изразцовы.
У нас не заживляются рубцы.
У нас не заживаются Рубцовы.

Всё то, что опер к делу не подшил,
Наверняка не относилось к делу.
И до сих пор у камня ни души -
Ни ангела сидящего, ни тела.

Дорогие российские авторы!
Теперь Вы можете легко оказать дружескую помощь нашему порталу.